

СОБЫТИЯ В ПЕТРОГРАДЕ 23 ФЕВРАЛЯ—2 МАРТА 1917 г. ГЛАЗАМИ
КУРСИСТКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ
(БЕСТУЖЕВСКИХ) КУРСОВ ФЕДОРОВОЙ ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНЫ

Докладчик Т.Г.ФЕДОРОВА, содокладчики и соавторы М.Ю. КАТИН-ЯРЦЕВ, В.В. МИНАХИН, г. Москва, Российская Федерация.

1) История происхождения документа.

В семейном архиве Федоровых — Войновских-Кригер сохранились 150 открыток и писем, написанных Федоровой Еленой Александровной в период с сентября 1913 г. по май 1917 г. В это время она обучалась на Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге и регулярно писала многостраничные письма своим родителям во Владивосток. Их бережно хранила сначала её мать, Изабелла Брониславовна Федорова (1870-1942), а затем её младшая сестра Ирина Александровна Войновская-Кригер. В числе других документов эти письма были переданы одному из авторов статьи внуком И.А. Войновской-Кригер. Доклад посвящен одному из этих писем, написанному Е.А. Федоровой 9 марта 1917 г. В нем она описывает происходящие в Петрограде события.

2) Краткая биография автора письма - очевидца событий марта-февраля 1917 г.

Е.А. Федорова родилась в крепости Осовец Белостокского уезда Гродненской губернии 30 ноября 1894 г. Вместе с родителями, младшими сестрой и двумя братьями проживала во Владивостоке, куда в 1910 г. на должность помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на Русском острове был переведен из Ковенской крепости её отец, военный инженер-полковник Александр Львович Федоров¹. Окончив в 1912 г. с золотой медалью 7 классов Владивостокской женской гимназии, а в 1913 - словесное и математическое отделение 8-го дополнительного класса, Елена получила удостоверение на звание домашней учительницы по избранным ею

специальностям. В 1913 г. она была принята на физико-математический факультет Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсовⁱⁱ и уехала в столицу учиться. Вначале она жила на съемных квартирах, а затем — в семье своего дяди, Генриха Брониславовича Войновского-Кригера. В 1910—1914 гг. он так же, как и её отец, служил во Владивостоке, но, будучи в марте 1914 г. назначенным исправляющим должность генерала для поручений при Главном военно-техническом управлении Военного министерства, переехал с семьей в Санкт-Петербургⁱⁱⁱ. Квартира Г.Б. Войновского-Кригера находилась на шестом этаже дома №44 по Знаменской улице, недалеко от комплекса казарм и полковых сооружений, расположенных в квартале между Кирочной, Парадной, Преображенской улицами и Виленским переулком. Там были расквартированы полки, которые одни из первых присоединились к восстанию в феврале 1917 г. Поэтому события, ставшие впоследствии историческими, семья Кригеров и Лена Федорова наблюдали прямо из окон своей квартиры.

Письмо, написанное Леной 9 марта 1917 г., было отправлено не по почте, а передано со знакомыми, ехавшими из Петрограда во Владивосток. Поэтому Лена не опасается цензуры. По прошествии ста лет мы сделали попытку проанализировать, систематизировать и прокомментировать имеющуюся в её письме информацию.

3) Описание в письме начала революционных событий: причина забастовки, участие казаков, переход войск на сторону восставших.

«Нормальная жизнь нарушилась числа 23 его, когда начались забастовки на заводах. Скоро забастовка приняла общий характер, но только для заводов. Трамвайное сообщение прекратилось. На улице казаки предотвращали скопление публики. Однако они ”явно” делали это добродушно, а затем перешли на сторону ”восставшего народа”, к[а]к говорят обыкновенно в официальных бумагах. Причина забастовки — недостаток в городе черного хлеба. Политических мотивов не было. С субботы, 25го, начались серьезные столкновения с полицией и жандармами, снабженными в избытке пулеметами. Однако дело приняло характер общегосударственной важности только в

понедельник, 27го, когда началось восстание войска. Мы оказались в центре событий: первым восстал Волынский полк, стоящий на Кирочной ул[ице], вблизи нас^{iv}. За ним — Преображенский^v. Толчком послужило приказание начальства идти на улицу ”для усмирения”, а также возмущение коварным поступком полиции. Накануне многие городовые, переодетые в форму этих гвардейских полков, стреляли по публике. Сборным пунктом для присоединяющихся к восставшим войск служил угол Кирочной и Знаменской] улицы. А потому из окон мы наблюдали всю картину. Гвардейцы направились в 6 ой Запасной Саперный батальон, стоящий в соседнем с нашим доме,^{vi} для привлечения сапер на свою сторону. Эти соединенные части, собравшись на углу и построившись, пошли на Литейный, захватив по дороге юнкеров школы прапорщиков^{vii}, где были Котя и Сережа^{viii}. На Литейном началось скоро первое столкновение между восставшими и враждебными им частями войск. Следующие 2 дня были жуткими днями. На улицах происходили сражения с полицией, жандармами и не сразу перешедшими на сторону революционного войска частями войск. Однако постепенно весь гарнизон Петрограда и окрестностей перешли в полном составе с офицерами во главе на сторону Временного Правительства, в первые же дни сформировавшегося в Думе. Поэтому кровопролитие было сравнительно небольшим».

Считаем интересным в этом отрывке высказанное мнение о причине забастовок (недостаток хлеба в городе), описание миролюбивого поведения казаков, призванных для усмирения бунтовщиков, перечисление полков и батальонов, постепенно переходивших на сторону народа. Эти сведения подтверждаются и другими исследователями и источниками^{ix}. К утру 28 февраля в распоряжении командующего войсками Петроградского военного округа остались лишь «4 гвардейских роты, 5 эскадронов и сотен и 2 батареи»^x, а все прочие части, состоявшие, главным образом, из резервистов^{xi}, перешли на сторону революции, либо заняли нейтральную позицию. Обращает на себя внимание информация автора письма об избытке пулеметов у полиции и рассказ о провокации властей (переодевание городовых в форму гвардейцев).

Эти сведения нуждаются в проверке и дальнейшем изучении.

4) События 27 февраля – 28 февраля 1917 г. Сопоставление описания последних дней службы министра путей сообщения Э.Б. Войновского-Кригера по нескольким источникам.

Эдуард Брониславович Войновский-Кригер, второй дядя Елены Федоровой, с 28 декабря 1916 г. был министром путей сообщения. 27 февраля он участвовал в последнем заседании Совета Министров в Мариинском дворце. В письме Лены рассказывается, что в это время произошло у него дома по адресу Таврическая, 37: «...Вечером явились к т[ете] Саше^{xii} 5 человек — 3 солдата и 2 студента — для ареста дяди Эди... Узнав, что дяди нет дома, солдаты отказались от обыска всей квартиры в поисках дяди только благодаря тому же А[лексею] Ал[ександровичу]^{xiii}, который сказал, что не допускает со стороны ”товарищей” применение приемов старого режима».

О том, что происходило с Э.Б. Войновским-Кригером в Мариинском дворце, сохранились воспоминания - его самого (1925 г.)^{xiv} и его коллеги - министра иностранных дел Н.Н. Покровского (1922 г.)^{xv}. Таким образом, вместе с письмом Лены у нас есть три источника. Приведем отрывки из них.

Э.Б. В.-К.: «Тут со мной и Н.Н. Покровским случилось происшествие, которое только случайно не стоило нам жизни. Еще раньше нам сообщали, что отдельные группы ходят по квартирам министров с намерением их арестовать и что лучше поэтому где-либо нам скрываться. Я решил провести ночь у одного знакомого и хотел передать об этом жене по телефону. Но телефон своей квартиры мне удалось получить только в 12 часов ночи, а когда после разговора я хотел выйти, то встретил Покровского, который сказал, что на площади идет такая стрельба, что ходить прямо опасно, что надо переждать».

Лена: «Один знакомый предложил д[яде] Эде ночевать у него. Легли спать в надежде, что так все и кончится. В 3 часа ночи т[етя] Саша звонит по телефону [с Таврической на Знаменскую] в ужасе — Мариинский дворец не отвечает на звонки телефона; по слухам, он окружен или даже занят войсками; а дяди Эди до сих пор нет в том месте, где он должен был быть уже вечером».

Н.Н.П.: «Во дворце остались я и Кригер-Войновский с курьером. Мы решили переждать до более позднего часа, когда прекратится уличная стрельба, и остались в помещении Канцелярии Совета министров ...Мы с Кригером сидели в комнате (бывшей Брянчанинова) сперва при свете, но затем затушили освещение и даже решили спрятаться под столы в надежде, что таким способом вошедшие в комнату, м[ожет] б[ыть], нас не заметят. Но уже вскоре это комическое положение стало невыносимым, а тут как раз нам пришли сказать, что по черному ходу м[ожет] б[ыть] и можно будет выйти. Так как наши пальто и калоши были при нас, то ... мы попытались пройти через ворота на Новый переулок. Но ворота эти были заперты, и грубый голос нам крикнул с улицы: "Только суньтесь, то мы вам зададим из пулемета!" ... мы вернулись на черную лестницу и ... вышли в длинный и низкий коридор, куда выходили служительские квартиры. Коридор этот был также переполнен народом. Пробовали мы просить, чтобы нас пустили в какую либо из комнат, но получили отказ. По видимому, нас не узнавали».

Э.Б. В.-К.: «...простоять и просидеть на дровах и бочонках в этом коридоре нам пришлось до 5 часов утра^{xvi}. Тогда только наступила во дворце относительная тишина, публика понемногу разошлась по своим комнатам, а мы все продолжали сидеть в самом темном углу коридора...»

Н.Н.П.: «Тут явился один камер лакей, которого я давно знал ... он и сын его взялись проследить минуту, когда можно будет выйти на улицу. И действительно, около четырех часов ночи во дворце революционеров больше не было, и мы совершенно спокойно вышли через те же ворота на Новый переулок. На площади перед дворцом горел костер из дел Совета. ... На улицах было совершенно тихо и ни души. Мы пошли по Мойке, перейдя Синий мост. Изредка и очень издали раздавались выстрелы. Когда мы переходили Гороховую, то на самом конце ее по Загородному проспекту видели огонь пожара: горело помещение полицейского участка. После четырех часов я был уже дома, в здании Министерства иностранных дел, а Кригер Войновский пошел со своим курьером дальше, ночевать к каким то знакомым».

Э.Б. В.-К.: «Улицы города представляли собой весьма жуткую картину: полное освещение и почти пустота, лишь изредка прохожие или группы, большей частью вооруженные, и кое-когда проезжали грузовики с солдатами; нигде ни одного городского, ни одного дворника, издали доносились какие-то крики, иногда выстрелы. По Морской, ясно освещенной, было идти как-то жутко, мы пошли по более темной Мойке, Покровский к себе на квартиру на Дворцовой площади, я — к знакомому на Миллионную улицу».

Возвращаемся на Знаменскую 44, где была в это время Лена:

«Мы сидели втроем — т[етя] Женя^{xvii}, д[ядя] Геня и я — часа 2 в эту ночь после сообщения т[ети] Саши в совершенно беспомощном положении. Что делать?! Т[етя] Женя со свойственным ей теперь пессимизмом допускала все ужасы. Наконец, в 6 часов утра тетя Саша сообщила, что дядя, наконец, пришел в назначенное место».

Об этом «назначенном месте» говорится в Телеграмме военного министра М.А. Беляева в ставку, переданной 28.2.1917 в 12:25: «Министр путей вчера был застигнут в Мариинском дворце при занятии его мятежниками. Ему удалось скрыться в подвалах, откуда в 4 ч[аса] ночи он незаметно скрылся и, по имеющимся у меня данным, перешел на квартиру сенатора Н.П. Гарина, Миллионная 11»^{xviii}.

Возвращаемся к письму Лены:

«...На след[ующий] день т[етя] Саша с б[абушкой] Каролей^{xix} под выстрелами прошли к д[яде] Эде. Но его не оказалось уже там: он пошел в свое министерство. Это был с его стороны в высшей степени правильный поступок: он не скрылся, а действовал прямо. Баб[ушка] и тетя направились туда и 3 след[ующих] дня провели там с ним. Дядя рассказал о всех мытарствах, через которые он прошел прежде чем попасть к этому знакомому. До сих пор только в исторических романах читала о подобных злоключениях, но не встречалась с ними в жизни. 28го министерство было занято войсками, а к д[яде] Эде был приставлен караул. К нему явился член Гос[ударственной] Думы инж[енер] путей сообщения Бубликов и сказал, что Гос[ударственная] Дума просила

выразить дяде свое уважение к нему и сожаление, что к нему приходится применять строгую меру. Но они не имеют права делать для него исключения. Через 3 дня дядя был привезен в Гос[ударственную] Думу, где получил пропуски и бумагу от Врем[енного] правительства, в которой говорится, что по его распоряжению дядя может вернуться домой».

5) Арест генерал-майора Генриха Брониславовича Войновского-Кригера 1 марта 1917 г.

Немало волнений досталось и на долю младшего брата министра — генерал-майора инженерных войск, Г. Б. Войновского-Кригера («дяди Гени»), который на следующий день, 1 марта, был также арестован. «Дело в том, что было издано приказание всем офицерам, желающим подчиниться временному правительству, явиться в Гос[ударственную] Думу для получения особой бумаги. Д[ядя] Геня и решил сделать это 1 го марта. Но не успел он привести свое желание в исполнение, к[а]к к нам явился некий дикий пехотный прапорщик с 5 человеками вооруженных солдат. Мы пережили пренеприятных $\frac{1}{2}$ часа. Прапорщик крайне непочтительно обращался с д[ядей] Геней. Если бы не его удивительная выдержка, ”прапор” этот еще выстрелил бы чего доброго из браунинга, который все время вертел в руках. Было отнято все дядино оружие. Солдаты искали по всем комнатам, хотя дядя все отдавал добровольно. Хуже же всего было то, что дядю трое воор[уженных] солдат вели пешком в Гос[ударственную] Думу. По пути дядя подвергался незаслуженным замечаниям толпы. В Думе выяснилось, что весь этот арест — недоразумение. Офицеры могли являться в Думу добровольно до 3 марта и только тогда «непокорные» могли быть арестованы».

б) Описание событий на улицах города.

Описание Леной того, что происходило на улицах города, мало отличается от уже ранее опубликованного^{xx}: это разъезжающие по всему городу автомобили, всеобщий подъем и эйфория.

«Относительное спокойствие водворилось на улицах очень скоро. Уже 2 го марта я ходила по улице без всякого страха. Если бы вы знали, какой

чувствовался подъем везде! Около Гос[ударственной] Думы были толпы народа. Непрерывно в ограду Думы входили в полном порядке все новые, и новые части войск, встречаемые криками ”ура”. Все распоряжения отдавались на автомобилях. Все автомобили города были реквизированы революционерами. С красным флагом наверху, переполненные солдатами, сестрами милосердия, офицерами, они носились целыми днями по всему городу. В толпе чувствовался сильный подъем. Обращение ”товарищ”, казавшееся раньше всегда ложным, теперь нельзя было не признать искренним из уст члена ли Гос[ударственной] Думы, рабочего, солдата, офицера... Впрочем, невозможно передать хоть сотую долю того, что чувствовалось. Я чувствую полное бессилие сделать это. При свидании поделюсь всем».

7) Описание событий в Таврическом дворце.

Однако Лена не гуляла по улицам. Она оказалась в самом эпицентре событий — в Таврическом дворце.

«Несмотря на строгий надзор и необходимость иметь специальные пропуска в Думу, Алексей Алекс[андрович] (у которого везде есть друзья) провел меня и Лёлю Янушевскую^{xxi} в Гос[ударственную] Думу. Мы были на седьмом небе. Мы попали в ”бюро печати”, где редактировались ”Известия” комитета Петр[оградских] Журналистов. Хотя работа была мало интеллигентной, но мы были в восторге. Мы находились в центре всех событий и все сведения получали раньше газет. Мы готовили бумагу для печатания на машинке, диктовали новые сообщения по телефону в редакции газет, разносили новые ”Известия” по всей Думе. Узнать Тавр[ический] Дворец, всегда такой важный и строгий, было невозможно. Он был переполнен рабочим, солдатами. В Екатерининском зале говорились речи. В Думе сосредоточилось все управление страной. Мы с Лелей носились по всей Думе, не в силах побороть свою радость и восторг. Сколько сильных моментов было пережито за эту неделю нашего пребывания в Думе. Вот, напр[имер], бегают Н[иколай] А[лександрович] Морозов, в старом, поношенном костюме, в котором я видала его в ученом кабинете. Такое впечатление, будто сидел он за астрономическими

вычислениями, услышал радостную весть, бросился в Думу, не успел или забыл даже переодеться. Его глаза излучают еще больше света, чем обыкновенно. Вот Бурцев вводит в бюро печати депутата Пьяных — старика. Он только что из Шлиссельбурга. Старик дрожит от волнения и радости. Вот качают Бурцева после произнесенной им речи. Вот приветствуют старушку. Это Вера Засулич. Вот вваливается в бюро печати огромный Амфитеатров. Он в огромной шубе, в высоких галошах. Он из Ярославля, где находился по пути в ссылку за написанную недавно статью. Вот в комнате Исполнительного Комитета ("С[овета] Р[абочих] и С[олдатских] депутатов"), куда отношу новые газеты, подходит ко мне высокий бледный юноша в кожаном тулупе. Он только что из Шлиссельбургской тюрьмы. Ему нужен пропуск на жел[езную] дорогу... Всего не опишешь. Теперь работа в Думе наладилась; Здание разгрузилось. Мы с Лелей оказались лишними».

8) Отношение к революции в среде курсисток.

Происходящие события не могли не отразиться на учебе: ни о каких занятиях в это время не могло быть и речи. Однако очень скоро, когда всё успокоилось, на Бестужевских курсах прошла «многолюдная сходка по вопросу, начинать ли занятия. В принципе все согласились, что наряду с общ[ественной] работой, мы должны приступить к своей академической работе, чтобы возможно скорее подарить обновленной родине лишних образованных людей. С понедельника начинаем заниматься».

Таким образом, мы видим, что и большая часть студенческой молодежи Петрограда восприняла свержение монархии с энтузиазмом, как «обновление родины».

9) Восприятие и оценка событий разными членами семьи.

Радость и воодушевление Лены омрачало в эти дни только одно обстоятельство: расхождение во взглядах со старшими членами её семьи, которые не одобряли решительных переворотов в государственной жизни и были настроены очень пессимистично: «Пессимизму окружающих меня нет конца... Об образовании в Думе же "Совета Рабочих и Солдатских Депутатов"»

вы уже тоже, разумеется, знаете. Он состоит из представителей от заводов по одному на 1000 рабочих, из представителей по одному от каждой роты и из представителей всевозможных общ[ественных] организаций и партий... Главные же споры вызывает "Совет Раб[очих] и Солд[атских] депутатов". Все возмущаются вносимым им двоевластием. Конечно, "С.Р. и С.Д." переходит через край, издавая нередко приказы от своего имени да еще в таких специальных областях, к[а]к военное дело. Он должен быть "законодательным" а не "исполнительным" органом. Его вмешательство в военную жизнь — отмена отдавания чести, введение выборного начала в войска и т.д., и т.д. - вызвало сильное возмущение в среде прежних офицеров. Солдаты же, не умея правильно понять "свободы", понимают ее часто ложно. Это вносит дезорганизацию. Но в принципе я одобряю "С.Р. и С.Д.", в то время, к[а]к другие не оправдывают его существования и в принципе. По-моему, если бы не было его давления и если бы Керенский не вошел в Сов[ет] Министров — не было бы нам обещано даже то, что обещано. Прогрессивный блок напоминает мне немного муху, которая говорила: "мы пахали"...»

В семье происходили ожесточенные споры, которые «ни к чему не приводят, лишь усиливают рознь и расстраивают нервы». Через некоторое время Лена пришла к мудрому решению не спорить, а молчать во всех случаях, когда возможно столкновение мнений.

10) Эпилог. Дальнейшая судьба героев описанных событий.
Значимость представленного в докладе документа.

После октябрьской революции судьба членов семьи сложилась по-разному. Эдуард Брониславович с женой и сыном эмигрировали. Генрих Брониславович остался в России. В 1920 году он умер от белокровия, его сын Константин Генрихович стал геологом, в 1929 году был арестован и осужден коллегией ОГПУ на 10 лет заключения в концлагере.

Елена Федорова, проучившись на Бестужевских курсах четыре года, отправилась на летние каникулы 1917 г. к родителям во Владивосток, и осталась там, не закончив обучение. Во Владивостоке работала канцелярской

служащей, заведовала библиотекой Народного Университета. Разрешением Главпрофобра^{xxii} от 22 марта 1923 г. была восстановлена в правах студента на физико-математическом факультете (группа «биология») и продолжила обучение на Петроградских высших женских курсах^{xxiii}. Зимой 1927 г. перенесла энцефалит и получила отсрочку защиты дипломной работы до января 1928 г.^{xxiv} Летом она с младшим братом Юрием поехала навестить родителей во Владивостоке, где 24 июня 1927 г. в возрасте 33 лет скончалась^{xxv}. Ее родители в 1930 году уехали из Владивостока и в 1942 году умерли в блокадном Ленинграде.

Сохранившиеся письма Елены Федоровой являются примечательным документом личного происхождения периода 1913-1917 гг. А её письмо от 8 марта 1917 г., наряду с интереснейшими подробностями очевидца, содержит и частичку того воодушевленного, радостного состояния, которое 22-летняя девушка разделила в те дни с многими жителями Петрограда.

-
- ⁱ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 164974. П/с 126-879. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv* (RGVIA) [The Russian State Military Historical Archive], F. 409, L. 1, С. 164974, P/s 126-879.
- ⁱⁱ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф.113. Оп.7. Д. 261. Л. 3—17. *Centralnyj gosudarstvennyj istoričeskij arhiv Sankt-Peterburga* (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive Sankt-Peterburga], F. 113. L. 7. С. 261. P. 3—17.
- ⁱⁱⁱ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 164975. П/с 126-880. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv* (RGVIA) [The Russian State Military Historical Archive], F. 409, L. 1, С. 164975, P/s 126-880.
- ^{iv} Лейб-гвардии Волынский запасный полк располагался в помещении казарм гвардейской Конной артиллерии по Виленскому переулку, 15, и Парадной улицы, 3, 5, 7 а его учебная команда — в здании казармы по адресу Виленский пер, 14.
- ^v Преображенский запасный полк был размещен в казармах Лейб-гвардии Преображенского полка на Кирочной улице, 31—39 и на Преображенской улице (ныне ул. Радищева), 41.
- ^{vi} 6-й запасный Саперный полк был размещен в казармах на Преображенской улице, 35—39.
- ^{vii} Школа прапорщиков инженерных войск располагалась в Анненском училище на Кирочной улице, 8а.
- ^{viii} Котя и Сережа — двоюродные братья Е.А. Федоровой: Константин Генрихович Войновский-Кригер (1894—1979), геолог, палеонтолог, доктор г.-м.н., профессор, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР, и Сергей Эдуардович Войновский-Кригер (1895—1968) — сын Э.Б. Войновского-Кригера, инженер-строитель, жил и работал в Германии, с 1950 года — в Канаде.
- ^{ix} *Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в Февральской революции. Вопросы истории. 2002. №9. С. 7. *Čapkevič E.I. Russkaja gvardija v Fevral'skoj revoljucii* [The Russian Guard in the February Revolution] Issues of history. 2002. №9. P. 7.

-
- x Телеграмма С.С. Хабалова Н.И. Иванову от 28 февраля. — Последние дни императорской власти: по неизданным документам составил Александр Блок. Изд 2-е. — Петербург, Алконост, 1921. С. 86—87. *Poslednije dni imperatorskoj vlasti. Po neizdанным documentam sostavil Aleksandr Blok.* [The last days of the imperial power. According to unreleased documents, Alexander Blok.] Issue 2. Peterburg, Alkonost, 1921, pp.86—87.
- xi *Чапкевич Е.И.* Указ. Соч. — С. 3. Chapkevich E.I., p. 3.
- xii Александра Николаевна Войновская-Кригер (ур. Ярморкина) — жена Э.Б. Войновского-Кригера.
- xiii Цветков Алексей Александрович (1865-1925) — муж Марии Николаевны Цветковой, сестры А.Н. Войновской-Кригер.
- xiv *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. *Спроге В.Э.* Записки инженера. — М.: Русский путь, 1999. (ВМБ. Серия «Наше недавнее». Вып.4 : основана А.И. Солженицыным). С. 90-97. *Krieger-Woinowsky E.B. Zapiski ingenera. Vospomинaniја, vrechateniја, mysli o revoljucii.* [Notes of an engineer. Memories, impressions, thoughts about the revolution.] *Sproge V.E. Zapiski ingenera.* [Notes of an engineer] — Moscow, Russkiy put', 1999 (VMB. Serija «Nashe nedavneje», Issue 4), pp. 90—97.
- xv *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 230—231. *Pokrovskij N.N. Poslednij v Mariinskom dvortse. Vospomинaniја ministra inostrannyh del.* [The last in the Mariinsky Palace. Memoirs of the Minister of Foreign Affairs], Moscow, Novee literaturnoe obozrenie. 2016, pp. 230-231.
- xvi В воспоминаниях Н.Н. Покровского и телеграмме М.А. Беляева говорится о 4 часах утра (см. ниже).
- xvii Евгения Константиновна Войновская-Кригер (ур. Тржасковская) — жена Г.Б. Войновского-Кригера.
- xviii *Сенин А.С.* Министерство путей сообщения в 1917 году. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 22. *Senin A.S. Ministerstvo putej soobshhenija v 1917 godu.* [Ministry of Railways in 1917] Issue 2, Moscow, Knizhnyj dom “Librokom”, 2009, p. 22.
- xix Каролина Альбертовна Тржасковская (ур. Гольдшмидт) (1845—1935) — теща Г.Б. Войновского-Кригера.
- xx *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. — М.: Новый хронограф, 2015. С. 457-459. *Buldakov V.P., Leontieva T.G. Vojna, porodivshaja revoljuciju.* [The war that gave rise to the revolution]. — Moscow: Novyj hronograf, 2015, pp. 457-459.
- xxi Янушевская Ольга Павловна (1898—1953) — дочь начальника службы тяги Владикавказской железной дороги П.С. Янушевского.
- xxii Главное управление профессионального образования, центральный орган управления профессиональным образованием в 1920 – 1930-х гг.
- xxiii Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф.113. Оп.7. Д. 261. Л. 31. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [Central State Historical Archive Sankt-Peterburga], F. 113. L. 7. C. 261. P. 31.
- xxiv Там же. Л. 1. Ibid, p. 1.
- xxv Архивная Справка о смерти № 2958 от 17.3.2016 г. выдана Отделом ЗАГС по Советскому району администрации г. Владивостока. *Arhivnaja spravka o smerti № 2958 ot 17.3.2016 vydana Otdelom ZAGS po Sovetskomu rajonu administracii g. Vladivostoka* [Archived death certificate No. 2958 from 17.3.2016, issued by the Registry office in the Soviet district administration of Vladivostok].